

СОДЕРЖАНИЕ

Евсеева Я.В., Ядова М.А. Успешное старение сквозь призму социальной геронтологии и социологии старения: Предисловие	9
--	---

ТЕОРИЯ УСПЕШНОГО СТАРЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ГЕРОНТОЛОГИИ

Евсеева Я.В. Успешное старение: История и современность.....	15
Палмор Э.Б. Автогеронтология: Из личного опыта старения. (Реферат)	29
Маккарти В.Л., Боквег А. Роль трансценденции в холистском представлении об успешном старении. (Реферат)	34
Рэндалл У. Старение, ирония и мудрость. (Реферат)	41

СОЦИОЛОГИЯ СТАРЕНИЯ. ВОПРОСЫ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Хофф А., Перек-Бялас Й. К социологии старения в Центральной и Восточной Европе. (Реферат)	50
Луи М., Фландорфер П., ди Джулио П. Старение в пожилом обществе. (Реферат)	57
Бёртон-Жангро К., Циммерманн-Слущикс Д. Траектории удовлетворенности жизнью среди пожилых швейцарских женщин: Анализ с точки зрения возраста, периода и когорты. (Реферат)	63

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Будини К. «Активное старение»: От пустой риторики к эффективному инструменту социальной политики. (Реферат).....	68
Бюффель Т., Ремияр-Буалар С., Филлипсон К. Города с благоприятными условиями для пожилых людей: Программа, посвященная старению в городской среде. (Реферат).....	76
Евсеева Я.В. Пожилые люди в кругу сверстников. (Обзор).....	86
Влияние окружающей среды на здоровое и активное старение: Систематический обзор / Аннир М., Килинг С., Уилкинсон Т., Кушман Г., Джидлоу Б., Хопкинс Х. (Реферат).....	103
Евсеева Я.В. «Серебряная» экономика в Центральной и Восточной Европе. (Обзор материалов конференции в г. Лодзь, Польша, 21–23 июня 2018 г.).....	114
Фризон Г., Куйо М.-Ф. Успешное старение и иммигранты в департаменте Сена-Сен-Дени: По следам опроса. (Реферат).....	121

ОБРАЗОВАНИЕ И ТРУД В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Евсеева Я.В. Современные тенденции в образовании пожилых людей: Образование взрослых как фактор активного старения. (Обзор журнала <i>Erwachsenenbildung</i> , 2011, № 13).	128
Формоза М. Четыре десятилетия университетов третьего возраста: Прошлое, настоящее, будущее. (Реферат).....	148
Международные перспективы в сфере образования пожилых людей / под ред. Б. Финдсена, М. Формозы. (Реферат).....	158
Работа, здоровье и коммодификация времени жизни: Переосмысление баланса между жизнью и работой и перспектива долгой жизни / Биггз С., Макгэнн М., Боумэн Д., Кимберли Х. (Реферат).....	182
Лотерингтон А.Т., Обстфеллер Э., Хэлфорд С. «Старухам тут не место»: Критическое исследование возраста на закате трудовой жизни. (Реферат).....	190

ОБРАЗ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

«Социальная сторона важна так же, как и физическая»: Опыт физической активности пожилых мужчин / Симс-Гулд Дж., Ан Р., Ли Н., Оттони К.Э., Макки Д.С., Маккей Х.Э. (Реферат)	196
Априль К. Повседневность парижских танцевальных залов: Досуг пожилых людей. (Реферат)	201
Бильдтгард Т., Эберг П. Время как структурирующий фактор в новых интимных отношениях в пожилом возрасте. (Реферат)	205
Тимонен В., Дойл М. Одиночество в течение всей жизни: Пересечения прошлого и настоящего. (Реферат).....	211

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТАРЕНИЯ И ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Иленне В. Репрезентации старения в СМИ. (Реферат)	217
Ядова М.А. Российская молодежь о старости и пожилых людях: Диапазон мнений и оценок. (Обзор).....	222
Сведения об авторах	229

CONTENTS

Evseeva Ya.V., Yadova M.A. Successful ageing through the prism of social gerontology and the sociology of ageing: Introduction.....	9
---	---

THEORY OF SUCCESSFUL AGEING IN SOCIAL GERONTOLOGY

Evseeva Ya.V. Successful ageing: History and the contemporary state	15
Palmore E.B. Auto-gerontology: A personal Odyssey. (Article summary).....	29
McCarthy V., Bockweg A. The role of transcendence in a holistic view of successful aging. (Article summary).....	34
Randall W. Aging, irony and wisdom. (Article summary).....	41

SOCIOLOGY OF AGEING. ISSUES OF POPULATION AGEING

Hoff A., Perek-Białas J. Towards a sociology of ageing in Central and Eastern Europe. (Article summary).....	50
Luy M., Flandorfer P., di Giulio P. Ageing in an aged society. (Article summary).....	57
Burton-Jeangros C., Zimmermann-Sloutskis D. Life satisfaction trajectories of elderly women living in Switzerland: An age – period – cohort analysis. (Article summary)	63

SOCIAL POLICY TOWARDS OLDER PEOPLE

Boudiny K. «Active ageing»: From empty rhetoric to effective policy tool. (Article summary).....	68
Buffel T., Rémillard-Boilard S., Phillipson Ch. Creating age-friendly cities: An agenda in favour of urban ageing. (Article summary).....	76
Evseeva Ya.V. Older people surrounded by peers. (Review).....	86
Environmental influences on healthy and active ageing: A systematic review / Annear M., Keeling S., Wilkinson T., Cushman G., Gidlow B., Hopkins H. (Article summary).....	103
Evseeva Ya.V. «Silver» economy in Central and Eastern Europe. (Review of the materials of the conference in Łódź, Poland, 21–23 June 2018).....	114
Frisone G., Couilliot M.-F. Successful ageing and immigrants in Seine-Saint-Denis survey: A line of inquiry. (Article summary).....	121

EDUCATION AND WORK IN LATER MATURITY

Evseeva Ya.V. Contemporary trends in older adult education: Adult education as a factor of active ageing. (Review of the journal «Erwachsenenbildung», 2011, N 13).....	128
Formosa M. Four decades of universities of the third age: Past, present and future. (Article summary).....	148
International perspectives on older adult education / ed. by B. Findsen, M. Formosa. (Book summary).....	158
Work, health and the commodification of life's time: Reframing work – life balance and the promise of a long life / Biggs S., McGann M., Bowman D., Kimberley H. (Article summary).....	182
Lotherington A.Th., Obstfelder A., Halford S. No place for old women: A critical inquiry into age in later working life. (Article summary).....	190

OLDER PEOPLE'S LIFESTYLES

«The social side is as important as the physical side»: Older men's experiences of physical activity / Sims-Gould J., Ahn R., Li N., Ottoni C.A., Mackey D.C., McKay H.A. (Article summary)	196
Apprill Ch. Parisian dance halls: Entertainment for the elderly. (Article summary)	201
Bildtgård T., Öberg P. Time as a structuring condition behind new intimate relationships in later life. (Article summary)	205
Timonen V., Doyle M. Life-long singlehood: Intersections of the past and the present. (Article summary)	211

REPRESENTATIONS OF AGEING AND OLDER PEOPLE

Yläne V. Representations of ageing in the media. (Article summary)	217
Yadova M.A. Russian youth on old age and older people: Spectre of opinions and assessments. (Review)	222
About the authors	229

Евсеева Я.В., Ядова М.А.

**УСПЕШНОЕ СТАРЕНИЕ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ГЕРОНТОЛОГИИ
И СОЦИОЛОГИИ СТАРЕНИЯ:**

Предисловие

Evseeva Ya.V., Yadova M.A.

**SUCCESSFUL AGEING THROUGH
THE PRISM OF SOCIAL GERONTOLOGY
AND THE SOCIOLOGY OF AGEING:**

Introduction

***Ключевые слова:** успешное старение; геронтология; социальная геронтология; социология старения; старение населения; пожилой возраст; пожилые люди; социальная политика; социальные представления; образ жизни.*

***Keywords:** successful ageing; gerontology; social gerontology; sociology of ageing; population ageing; later maturity; older people; social policy; social representations; lifestyle.*

Старение населения практически по всему миру – одна из самых выраженных тенденций современности. Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит статьи, обзоры и рефераты, в которых освещаются разнообразные социальные аспекты данного явления, прежде всего в странах глобального Севера, где этот тренд на данный момент наиболее очевиден. Основным фокусом нашего внимания стала так называемая теория успешного старения – широко известная как среди специалистов, так и среди

общественности теоретико-практическая перспектива, популярный способ осмысления и оптимизации процессов старения.

Социальные аспекты старения в настоящее время изучают главным образом социология старения и социальная геронтология. В первом случае ключевым словом является социология, во втором – геронтология. Социология старения как отрасль социологии помещает в центр своего внимания такие вопросы, как структура пожилого населения, межпоколенческое взаимодействие, социальные роли и статус пожилых людей, их жизненные стили и пр. Среди теорий, на которые опираются социологи, изучающие старение, – структурный функционализм, теория социального конфликта и теория модернизации, символический интеракционизм, социальный конструктивизм и др. Социальная же геронтология представляет собой меж- и мультидисциплинарное знание о старении. Она находится во взаимосвязи с биологией старения и клинической геронтологией, а также с другими геронтологическими отраслями, например психogerонтологией. В то же время критическая геронтология осуществляет социальную критику теорий и феноменов старения, а такие отрасли, как культурная геронтология, литературная геронтология и др., рассматривают старение с позиции гуманитарных дисциплин. При этом социология старения и социальная геронтология оказывают друг на друга взаимное влияние. Социология старения адаптирует социogerонтологические теории, которые, со своей стороны, имеют в том числе и социологическое происхождение. Теория успешного старения обсуждается и находит применение в рамках как социальной геронтологии, так и социологии старения.

Теория успешного старения, под которым понимается удовлетворенность жизнью, продолжающаяся в старшем возрасте, была сформулирована в американской социальной геронтологии в начале 1960-х годов. С тех пор она вдохновляла ученых и специалистов в области социальной политики на различные проекты и программы, связывалась разными авторами с другими сценариями «хорошего» старения (старением активным, позитивным, оптимальным и пр.), подвергалась критике. Подробно история и современное состояние этой теории сквозь призму развития социальной геронтологии рассматриваются в открывающей сборник статье Я.В. Евсеевой. Также данный раздел составили рефераты статей, в

которых дается теоретический анализ различных сторон феномена успешного старения и других вариаций «хорошего» старения. Например, социолог и геронтолог Э. Палмор сквозь призму теорий, описывающих наилучший сценарий старения (включая успешное старение), характеризует собственную жизнь в старшем возрасте. Статьи У. Рэндалла и В.Л. Маккарти и А. Боквег демонстрируют многогранный характер геронтологии как области знаний, а также широту понимания и применения идей успешного старения. Концепции успешного и позитивного старения здесь сопрягаются с геронтопсихологией, философией старения и нарративной геронтологией и рассматриваются в связи с такими вопросами, как личностное развитие и трансценденция, духовный рост и творчество, ирония и мудрость.

Теоретические аспекты социологии старения на примере стран Центральной и Восточной Европы изложены в статье А. Хоффа и Й. Перек-Бялаш. Данный раздел также представляет результаты лонгитюдного исследования удовлетворенности жизнью нескольких когорт пожилых швейцарок и кросс-культурного исследования отношения европейцев (2 тыс. человек 20–65 лет из 13 стран Западной и Восточной Европы) к старению населения и его последствиям (увеличение количества пожилых людей и их роль в обществе, проблемы пенсионной системы и пр.). Работа М. Луи и его коллег изучает феномен монастыря, который вследствие оттока послушников молодого и среднего возраста являет собой модель сверхстарого общества, но при этом – благодаря взаимной поддержке ее членов и длительной посильной занятости – успешно функционирует.

Практическую реализацию идей успешного и активного старения освещают материалы, посвященные социальной политике в отношении пожилых. Среди направлений этой политики, осуществляемой государственными структурами и негосударственными международными организациями, в частности ВОЗ, – создание благоприятных условий для проживания людей старшего возраста, развитие рынка товаров и услуг для пожилого населения, оптимизация помощи пожилым мигрантам. Данные материалы демонстрируют возможности и трудности, с которыми сопряжено воплощение проектов успешного старения на практике.

Тему социальной политики продолжают обзоры и рефераты статей, исследующих образовательные и трудовые практики пожилых людей. В частности, анализируется потенциал образования как фактора активного старения на примере Австрии и Германии – стран, известных своими традициями в области андрагогики и геррагогики, а кроме того, представлена широкая международная панорама программ и проектов в области образования пожилых. В монографии под редакцией Б. Финдсена и М. Формозы показано, что в развитых странах Запада и восточной Азии сформировались образовательные системы, служащие важной составляющей жизни пожилых людей в этих регионах; авторы полагают, что дальнейшее старение населения и сопряженные с этим социальные изменения послужат появлению образовательных инициатив в тех странах, которые ими пока не охвачены. Отдельно освещается сорокалетняя история одного из самых известных и востребованных проектов в сфере образования пожилых – так называемых университетов третьего возраста. А.Т. Лотерингтон и ее коллеги критикуют современный дискурс активного старения как ориентирующийся на эталон молодого работника, в то время как в будущем, согласно им, понадобится более универсальный взгляд, с тем чтобы работники любого возраста и физических возможностей могли найти свое место на рынке труда. С. Биггз и его коллеги также смотрят в будущее сферы труда, которой предстоит существенно измениться в свете неуклонного увеличения продолжительности жизни.

В настоящий сборник, кроме того, включены работы, демонстрирующие спектр жизненных стилей и повседневных практик пожилых людей. Среди освещаемых тем – двигательная активность как элемент здорового старения канадских мужчин; танцевальный досуг пожилых французов; амбивалентность новых романтических и интимных отношений в пожилом возрасте, одновременно желанных, но и отнимающих время жизни (на материале Швеции). Работа В. Тимонен и М. Дойл показывает, что если вынужденное отсутствие спутника в пожилом возрасте вызывает страдания, то одиночество в течение всей жизни для предпочитающих именно такой жизненный стиль может стать успешным сценарием старения.

Наконец, несколько работ (обзор М.А. Ядовой, реферат статьи В. Иленне) посвящены социальным представлениям и массовым стереотипам о старости и пожилых людях в России и западных странах. Стоит отметить ключевую роль любых социальных представлений в жизни общества, поскольку это не только способ осмысления повседневной реальности, но и важный интегративный механизм поддержания социального порядка. Социальные представления отличаются от стереотипов личностной детерминированностью, большим разнообразием и глубиной знаний о предмете.

Специалисты подчеркивают, что, говоря о российских реалиях, термин «успешное старение» правильнее было бы заменить понятием активного долголетия, которое представляется отечественным чиновникам идеалом жизни в преклонном возрасте. Так, европейский Индекс активного старения (Active ageing index) в документах российского правительства и поддерживаемых им НКО именуется «индексом активного долголетия».

Согласно данным отечественных социологических исследований последних десятилетий, отношение к старости россиян, прежде всего молодых, достаточно амбивалентно (впрочем, негативные оценки все же преобладают): с одной стороны, пожилой возраст ассоциируется у них с мудростью и богатым жизненным опытом, а с другой – с болезнями, одиночеством, материальными трудностями и необходимостью выживать. Примечательно, что, несмотря на сложившийся в нашем обществе негативный образ старости, новые поколения россиян достаточно оптимистично оценивают собственную старость в будущем, считая это временем новых возможностей.

Характерные для современного российского социума процессы атомизации и поляризации нередко порождают межпоколенческие конфликты. Как показывают результаты молодежных опросов, принадлежность к старшему поколению отнюдь не гарантирует «почет и уважение» со стороны тех, кто моложе: доброго отношения «заслуживают», как правило, собственные бабушки и дедушки респондентов, в отличие от чьих-то «чужих» пожилых родственников. Подобные десолидаризирующие тенденции вкупе с острыми социальными проблемами пока не позволяют говорить

о полноценно сформировавшемся тренде успешного старения в нашей стране.

Что касается обыденных представлений о старости в странах Запада, здесь дискурс успешного / активного старения находит отражение, например, в печатных и телевизионных СМИ. Так, анализ репрезентаций пожилых людей в британских рекламных медиа показал ограниченность подобных представлений. Пожилые люди все еще недостаточно широко представлены в рекламе в сравнении с их реальной долей в составе населения (прежде всего развитых стран), и им по-прежнему отводится одна из традиционных для их возраста социальных ролей (как то: потребитель лекарственных препаратов или страховых услуг, счастливый «прародитель» и т.п.). Таким образом, существующие в западных СМИ репрезентации пожилых людей, несмотря на их общую позитивную направленность, довольно консервативны и не в полной мере отражают современные тенденции развития геронтологической науки и уже реализованные практики успешного / активного старения в мире.

Надеемся, данный сборник будет полезен всем интересующимся вопросами социальной геронтологии и социологии старения.

ТЕОРИЯ УСПЕШНОГО СТАРЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ГЕРОНТОЛОГИИ

DOI: 10.31249/ustar/2020.00.02

Евсеева Я.В.

УСПЕШНОЕ СТАРЕНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Evseeva Ya.V.

SUCCESSFUL AGEING: HISTORY AND THE CONTEMPORARY STATE

***Аннотация.** Сформулированная в начале 1960-х годов, теория успешного старения является ведущей теорией социальной геронтологии. На протяжении десятилетий она развивалась и расширялась, включая в себя все новые теоретические основания и охватывая все большее число людей, чей образ жизни может быть описан с помощью данного термина. В настоящее время успешное старение может рассматриваться геронтологами и социологами как: а) удобная привычная методология; б) номинальное наименование позитивного взгляда на пожилой возраст и пожилых людей; в) воплощение неолиберальных ценностей. Неудовлетворенность теорией успешного старения в последние годы привела к появлению в социальных науках новых теорий старения.*

***Ключевые слова:** успешное старение; активное старение; теория успешного старения; социальная геронтология; социология старения; критическая геронтология.*

***Abstract.** Formulated in the early 1960s, the theory of successful ageing has been the leading theory in social gerontology. Over the decades, it has developed and expanded, embracing new theoretical foundations as well as increasing numbers of people whose lifestyle can be described using the term in question. Currently, successful ageing is regarded by gerontologists and sociologists as: a) a convenient habitual methodology; b) a nominal name for a positive view of old age and older people; c) an embodiment of neoliberal*

eral values. Dissatisfaction with the theory of successful ageing has recently led to the emergence in social sciences of new theories of ageing.

Keywords: *successful ageing; active ageing; theory of successful ageing; social gerontology; sociology of ageing; critical gerontology.*

Идеи о том, как «лучше» стареть и как жить в старости, существуют многие столетия. В античности философия определяла повседневные взгляды на старость и старение; из философских представлений исходили Гиппократ, Гален и другие врачи в своих рекомендациях для стареющих пациентов. Здоровье связывалось с оптимальным балансом элементов; основой жизни виделись вода и огонь – соответственно, организм нуждается в тепле и влажности. Как считалось, с возрастом человек становится холоднее и иссыхает, тем самым увядает и умирает. Для продления жизни предписывалось употреблять в пищу так называемые теплые продукты (крупы, большинство специй, многие виды мяса и морепродуктов) и не расходовать силы без надобности (избегая, однако, и полного отдыха). Идеалом старца выступал мудрец, предающийся размышлениям и аккумулирующий мудрость, хотя подобный идеал был доступен скорее для меньшинства. В христианском Средневековье тело подчинялось душе, и смысл жизни заключался в ее конце; главной добродетелью старого человека было благочестие, которое должно было помочь душе одержать верх над физической немощью. Медицина по-прежнему основывалась на трудах Галена; в то же время развитие получила алхимия как мистический способ достижения бессмертия. Гуманисты эпохи Возрождения начали проявлять интерес к как таковому физическому телу, его изучению и изображению; они мечтали о долгой жизни, полной жизненной и творческой энергии. В XV в. Г. Зерби опубликовал «Gerontocomia», первый трактат по уходу за престарелыми [Zerbi, 1988 (1489)]. Просвещение стало последней эпохой, когда люди полагали, что долголетие – это личное дело человека и что его можно достичь с помощью определенного жизненного стиля, в частности умеренности и диеты. В XIX в. с развитием профессиональной науки продление жизни стало задачей в первую очередь медицинской отрасли. В XX в. из медицинской физиологии и биологии старения родилась геронтология – особая научная отрасль, изучающая старение.

В определенном смысле первая современная теория успешного старения принадлежит русскому и французскому биологу И.И. Мечникову, одному из создателей геронтологической науки и автору самого термина «геронтология». В «Этюдах о природе че-

ловека» он пишет о так называемой естественной смерти, являющейся итогом ортобиоза – полного жизненного цикла человека [Metchnikoff, 1903]. По Мечникову, большинство людей умирают скоропостижно, не пройдя нормальный цикл, одной из ведущих причин чего служит неправильное питание и, соответственно, самоотравление организма; благотворное влияние на пищеварение и в конечном итоге продолжительность жизни должно оказывать употребление кисломолочных продуктов. Мечников полагал, что очень старые люди на исходе ортобиоза способны пережить «естественную смерть», поскольку они ощущают, что достаточно прожили и готовы умереть; якобы они чувствуют удовлетворение и не демонстрируют явного страха смерти. Во второй половине XX в. естественные науки развивались в направлении дальнейшей специализации знаний; биология старения все глубже погружалась в микромир. Одна из теорий, выходящая за рамки как такового изучения клеточных процессов и ориентированная на оптимизацию процесса старения, была разработана украинским советским геронтологом В.В. Фролькисом. основополагающим понятием его адапционно-регуляторной теории является витаукт (лат. «продление жизни») – явление, противоположное физическому старению. Еще в 1920-х годах советская геронтология подчеркивала значение компенсационных средств, используемых человеческим организмом. Согласно Фролькису, витаукт характеризует адапционные и репаративные возможности организма, среди которых репарация ДНК, активизация обмена веществ, детоксикация, антигипоксическая система [Фролькис, 1988]. Таким образом, продолжительность жизни индивида является результирующим вектором старения и омоложения, причем последнему способствуют такие факторы, как физическая активность, низкокалорийная диета, прием геропротекторов (в частности, продуктов и препаратов, содержащих антиоксиданты).

По идеологическим соображениям советские геронтологи никогда не обходили вниманием социальные аспекты старения. Вероятно, в силу этого в СССР не было необходимости в особой отрасли вроде социальной геронтологии. В то же время в западных странах в середине XX в. было признано, что изучение социальных аспектов старения остается в тени стремительно развивающихся биологии и медицины старения. В 1943 г., с целью развития теоретических и эмпирических исследований, Американский совет по исследованиям в области социальных наук (American social science research council) основал Комитет по социальной адаптации

в старости (Committee on social adjustment in old age). Под эгидой Комитета были опубликованы два основополагающих текста, посвященных, соответственно, социальной и индивидуальной адаптации в старости [см.: Pollak, Heathers, 1948; Personal adjustment in old age, 1949]. Эта новая социально ориентированная область исследований получила название «социальная геронтология». Методологической основой ранних социogerонтологических теорий служил функционализм – ведущее течение в американской социологии в 1940–1960-х годах. В рамках функционализма все составляющие общества выступают в качестве функций, каждая из которых должна действовать максимально эффективно и поддерживать, таким образом, всю систему. Тем самым функционалистские теории предписывали людям определенное поведение, которое бы способствовало сохранению баланса социальных ролей и связей. Первая социogerонтологическая теория была сформулирована Р. Каван, Р. Хэвигхёрстом и др. и получила название теории (социальной) активности (activity theory); согласно ей, ключом к «хорошему» старению является поддержание индивидом достаточного уровня социальной активности [Personal adjustment in old age, 1949]. Выходя на пенсию, человек должен позаботиться о том, чтобы заменить связи, которые он при этом теряет, новыми, для чего можно, например, устроиться на работу на неполный рабочий день, посвятить себя хобби, волонтерству или воспитанию внуков. Данная теория соответствовала тенденциям послевоенного времени: развивалась пенсионная система, расширялся рынок услуг для пожилых, возникли первые поселки для пенсионеров, клубы и сообщества пожилых людей; развивалась и институционализировалась геронтология. Впоследствии теорию активности критиковали за то, что она вменяет пожилым людям идею обязательной, «суебливой» занятости. С. Катц видит в этом стратегию нормализации, реализуемую официальным и медицинским дискурсом; кроме того, таким образом, согласно ему, оправдывает собственное существование социальная работа с пожилыми людьми [Katz, 1996; Katz, 2000].

Вторая социogerонтологическая теория, теория (социального) разобщения (disengagement theory), представила радикально отличную модель «хорошего» старения [Cumming, Henry, 1961]. По словам ее авторов, Э. Камминг и У. Генри, не все индивиды, чья жизнь заполнена всевозможными занятиями, действительно счастливы, в то время как не все люди, ведущие менее активный образ жизни, несчастны. В соответствии с теорией разобщения, наиболее подходящим сценарием отношений между пожилым челове-

ком и обществом является их постепенное взаимное отчуждение. По мере старения человек погружается в свой внутренний мир, в то время как окружающие уделяют ему все меньше внимания; смерть становится последней «естественной» ступенью разобщения. С одной стороны, теория разобщения явилась реакцией на чрезмерный оптимизм теории активности. С другой стороны, к тому времени пожилые превратились в ключевых потребителей разнообразных товаров и услуг. Потребность в пожилой рабочей силе была уже не столь острой, и молодые не желали конкуренции со стороны пожилых работников. Ожидалось, что пожилые люди сосредоточатся на себе, своих заботах и интересах. Сформировалось представление о пожилых как особой субкультуре [см., напр.: Rose, 1962]. Многим исследователям теория разобщения показалась излишне пессимистичной. Кроме того, оспаривались ее универсальность и, соответственно, валидность. Так, согласно Дж. Габриуму, лишь в западных обществах можно наблюдать, как человека в старости предают забвению [Gubrium, 1973]. Тем не менее на рубеже 1980–1990-х годов теория разобщения была переоткрыта Л. Торнстамом, положившим ее в основу своей теории геротрансценденции [Tornstam, 1999; Tornstam, 2005]. Под геротрансценденцией он понимает – происходящий обычно в четвертом возрасте – переход на новый личностный уровень, который характеризуется снижением интереса к материальному миру и достигательному образу жизни, сосредоточением на главном, ограничением связей и занятий; тем самым индивид получает возможности для духовного развития и творчества. Согласно Торнстаму, большинство пожилых людей с удовлетворением принимают происходящую в их жизни геротрансценденцию.

Между тем в начале 1960-х годов Р. Хэвигхёрст сформулировал концепцию успешного старения, которую он считал совместимой с двумя основными теориями социальной геронтологии [Navighurst, 1961]. Успешное старение – это, по Хэвигхёрсту, удовлетворение жизнью, продолжающееся в старшем возрасте. С этой точки зрения индивид стареет успешно, если он доволен своим прошлым и настоящим и прожитые им годы наполнены удовлетворительным содержанием (т.е. если он, по выражению автора, «не только прибавляет годы к жизни, но и прибавляет жизнь к годам»). Успешное старение стало одной из самых популярных идей в социальной геронтологии, что может объясняться не только ее позитивным характером, но и широтой ее определения. С 1960-х годов она вдохновляла многочисленные исследова-

тельские проекты и связывалась различными авторами с другими моделями «хорошего» старения – прежде всего, «продуктивным» старением (теорией Р. Батлера, делающей акцент на формальной и неформальной занятости пожилых и их социальном вкладе [Butler, 1985]), а также «здоровым» старением, как таковым «позитивным», «эффективным», «оптимальным» и, наконец, «активным» (предполагающим продолжение занятости и социальное участие) старением. В глазах как общественности, так и исследователей теория активности представлялась более близкой к успешному старению, нежели теория разобщения. На данный момент активное старение – это в первую очередь основа социальной политики правительств многих стран и международных организаций (таких, как ВОЗ), в то время как успешное старение рассматривается чаще всего как академический дискурс.

Концепции успешного старения появились в различных геронтологических отраслях (в то время как в России социальная геронтология развивается лишь в последние два десятилетия, в западных, прежде всего англоязычных, странах геронтологическая специализация сформировалась уже практически во всех областях гуманитарного и общественно-научного знания, так что можно говорить о психогеронтологии, образовательной геронтологии, политической геронтологии, культурной геронтологии и др.). Например, важная концепция, известная как SOC (селективная оптимизация и компенсация), была разработана П. Балтесом и М. Балтес в области психогеронтологии (или геронтопсихологии) и адаптирована в социальную геронтологию [Baltes, Baltes, 1998]. В рамках данной модели жизнь предстает как непрерывное развитие – не как постепенное последовательное угасание, а как взаимодействие потерь и приобретений. Таким образом, хотя именно третий возраст предоставляет все возможности для успешного старения, человек может быть активным и социально успешным и после 80 лет. Для достижения этой цели индивид может прибегнуть к ряду методов, а именно: селекции (концентрация на наиболее важных целях); оптимизации (совершенствование методов достижения этих целей) и компенсации (замена методов, которые больше не доступны, новыми). Балтесы приводят пример [ibid.] пианиста Артура Рубинштейна (1888–1982), который был известен своей долгой профессиональной карьерой и со временем выступал реже (селекция), репетировал больше (оптимизация) и во время выступлений менял темп, чтобы произвести впечатление игры на высокой

скорости, которую на самом деле уже был неспособен поддерживать (компенсация).

Современная, но уже ставшая классической концепция успешного старения, на которую ссылаются большинство авторов, пишущих о данном явлении, была сформулирована на рубеже 1980–1990-х годов Дж. Роу и Р. Каном [Rowe, Kahn, 1987; Rowe, Kahn, 1998]. В их работах пожилой возраст выступает как необходимо активный. Под успешным старением они понимают: 1) предотвращение болезней и инвалидности; 2) поддержание хороших физических и когнитивных функций, соответствующих биологическому возрасту индивида; 3) «полноценное участие в социальной жизни, включая продуктивную занятость и богатые межличностные отношения» [Rowe, 1997, p. 367]; при этом чем активнее пожилые люди, тем лучше должно быть их здоровье и эмоциональное состояние. Работы Роу и Кана стали символом так называемой «новой геронтологии», ставящей во главу угла успешное старение, а не старость как время болезней и немощи [Rowe, 1997].

Некоторые авторы действительно стремились измерить успешное старение, основываясь на трех критериях Роу и Кана, однако в силу субъективности используемых категорий результаты исследований существенно различались; и ученые, и их пожилые респонденты обладали собственной идеей успешного старения, так что в последние два десятилетия представления о данном явлении значительно расширились (например, религия и духовный рост изначально не включались в модель Роу – Кана, но оказались значимыми для многих пожилых людей). Теперь идеи успешного старения простираются от сбалансированного образа жизни, независимости и контроля над собственным существованием до принятия смерти. Потенциально наименование «успешное старение» может применяться к неограниченному числу областей, феноменов, исторических периодов. Так, К. Гиллеард пишет об «успешном старении» в Италии в эпоху Возрождения; высокопоставленные мужи стремились к поддержанию физического здоровья, от чего зависело и их политическое положение, и в помощь им появились первые практические руководства по сохранению здоровья в почтенном возрасте и по уходу за пожилыми людьми, прежде всего упоминавшаяся выше «Gerontocomia» Г. Зерби [Gilleard, 2013]. При этом все больше исследователей уверены, что успешное старение не должно подразумевать обязательной физической и / или социальной активности (которая может не соответствовать меняющимся возможностям пожилых людей либо их желаниям), и,

соответственно, теперь включают в рассмотрение тех, кто раньше был исключен из представлений об успешном старении. Утверждается, что пожилых людей нельзя приравнивать к – в большинстве своем более энергичным – людям среднего возраста, как не следует и считать маргинальным случаем тех, кто менее активен по сравнению со сверстниками, в то время как социальная политика должна уделять больше внимания профилактической медицине [Walker, 2002]. Даже пожилые люди с ограниченными возможностями могут быть настолько активными, насколько позволяет их состояние, занимаясь, например, волонтерством по телефону [Boudiny, 2013]. Концептуально и методологически теория успешного старения также продолжает расширяться. Например, М. Флад определяет успешное старение как способность приспосабливаться к происходящим в жизни изменениям, не теряя при этом собственной индивидуальности и смысла жизни [Flood, 2006]. В.Л. Маккарти и А. Боквег формулируют «холистский взгляд на успешное старение» [McCarthy, Bockweg, 2013]. Они полагают, что все основные социogerонтологические теории могут внести свою лепту в теорию успешного старения. Из теории активности они адаптируют ориентацию на сотрудничество и альтруизм, из теории разобщения – ценность одиночества и рефлексии. Среди других они называют теорию (социально-психологической) непрерывности Р. Эчли [Atchley, 1989] (здесь существенна идея целостности эго и, соответственно, принятия себя) и теории жизненного цикла (развития человека), в которых важность представляет отношение к пожилому возрасту как к качественно новому этапу жизни, ведущему к самореализации личности. Неудивительно, что авторы включают в свою модель идею А. Маслоу о самотрансценденции как пике человеческих потребностей, а также трансцендентные восьмой и девятый этапы психосоциального развития личности по Э. Эриксону и Дж. Эриксону и, наконец, упоминавшуюся выше теорию геротрансценденции Л. Торнстама. По мнению Маккарти и Боквег, одной из наиболее всеобъемлющих является теория самотрансценденции П. Рид, подразумевающая расширение когнитивных границ индивида, который – обычно именно в старшем возрасте – преодолевает ограниченные взгляды на себя, окружающих и мир в целом [Reed, 2003]. Способствуют самотрансценденции альтруистическое поведение, непрерывное обучение, творчество, фиксация саморефлексии посредством ведения дневника и различные формы обмена мудростью с другими людьми.

Тем не менее широта определения неизбежно стала слабым местом теории успешного старения; В. Тимонен пишет о более чем 100 существующих на данный момент определениях успешного старения [Timonen, 2016]. В последние годы теория нередко подвергается критике. В 2015 г. журнал *The Gerontologist*, где в свое время была опубликована статья Хэвигхёрста, содержащая оригинальную теорию, посвятил специальный выпуск вопросам успешного старения, исследовав данный феномен с самых разных углов зрения; анализ открывался проблематизацией самой фразы «успешное старение», т.е. речь шла о том, в какой мере понятие успеха вообще применимо к изучению того многообразия явлений, которые сейчас покрываются термином «успешное старение». Обзор критических аргументов приводится в статье С. Катца и Т. Каласанти [Katz, Calasanti, 2015]. Во-первых, по словам авторов, значительная часть работ по-прежнему опирается на идеи исследователей о том, что есть успех в пожилом возрасте, а не на представления самих пожилых. Во-вторых, видя в успешном старении личную ответственность людей, данный дискурс игнорирует властные отношения в обществе, структурные неравенства, разные экологические условия и другие барьеры на пути к успешному старению, выходящие за рамки индивидуального выбора. Отдельные пожилые люди и некоторые группы пожилых людей, в частности женщины в сравнении с мужчинами или же меньшинства и мигранты в сравнении с основной частью населения и коренными жителями, как правило, имеют меньше ресурсов для успешного старения. Так что кому-то приходится стареть «неуспешно». В другой статье Каласанти рассматривает пропаганду товаров и технологий, направленных на борьбу со старением, как проявление эйджизма и критикует собственных коллег, социологов и геронтологов феминистского толка, за то, что они предпочитают не писать о нездоровой, физически непривлекательной старости [Calasanti, 2005]. В то же время с повышением продолжительности жизни объективно отмечается рост заболеваемости: после 80–85 лет болезни, прежде всего хронические, и инвалидность являются объективным явлением. В связи с этим в последние годы некоторые авторы предложили отказаться от теории успешного старения и сделать выбор в пользу других концепций. К таковым относится, например, концепция осознанного старения Г. Муди, под чем автор имеет в виду, что людям следует не игнорировать физическое старение или бороться с ним, а признавать его и адаптироваться к нему [Moody, 2005]. Согласно Муди, духовный рост

возможен и перед лицом боли и потерь. Ц. Лян и Б. Ло критикуют этноцентризм теории успешного старения и предлагают в качестве альтернативы теорию гармоничного старения, которая представила бы иные, незападные перспективы [Liang, Luo, 2012]. По их мысли, теория гармоничного старения призвана включить такие идеи, как единство тела и разума и взаимозависимость между человеком и миром и между разными людьми в противовес индивидуальному успеху. Начиная с новаторского исследования А. Боулинг и П. Дьеппа [Bowling, Dieppe, 2005], в котором основное внимание было уделено именно «профанным» взглядам на успешное старение, различные исследователи изучают отношение к старению, характерное для самих пожилых людей, – в особенности тех из них, которые в наименьшей степени соответствуют образу «успешно» стареющего индивида. В частности, очень старых, живущих с инвалидностью, страдающих физически и морально, скорбящих или, например, принадлежащих к другим культурам. Яркий пример приводит С. Лэм, сопоставляя взгляды на старение, с одной стороны, высокообразованных жителей Бостона в возрасте от 70 до 90 лет (выходцев из той самой среды, где возникла оригинальная идея успешного старения) и, с другой стороны, – индийских сельчан от 60 до 80 лет [Lamb, 2014] (попутно автор делает своего рода заявление о разнице в биологическом и социокультурном возрасте тех и других). Первые стремились создать впечатлительное впечатление успеха; они перечисляли свои многочисленные занятия и утверждали, что никогда не чувствовали себя счастливее. В то время как индийские респонденты не демонстрировали никаких признаков физической или социальной активности; они лишь медитировали и ждали смерти. Это все еще успешное старение, или в подобном случае уже стоит отказаться от использования данного термина и соответствующей методологии? Некоторые исследователи полагают, что понятие успешного старения исчерпало свой потенциал, как, например, В. Тимонен, утверждающая, что идеи и успешного, и активного старения не обогащают теорию и практику – они просто «моделируют» старение и пожилых людей, предписывая им, как себя вести и какими быть [Timonen, 2016]. По ее мнению, на данном этапе в социальных науках нужна не некая нормативная теория, а непосредственно исследования разных групп стареющего населения.

В целом в настоящее время можно наблюдать, что теория успешного старения по-прежнему востребована. Данный дискурс пропагандируется международными организациями и институтами